

ЗА ГЛУБОКОЕ ОВЛАДЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ ЛЕНИНА

Ленинское учение представляет собой громадный шаг вперед в развитии марксизма. Вооружив трудящихся и передовую науку всех стран знанием основных закономерностей нашей исторической эпохи, это учение чрезвычайно обогатило теоретическую базу современной исторической науки. В настоящее время серьезная марксистская разработка любого сколько-нибудь существенного вопроса истории человеческого общества, истории отдельных стран и народов невозможна без тщательного изучения трудов Ленина. Значение теоретического наследства Ленина не ограничивается тем, что в его трудах марксистская теория была развита применительно к новым историческим условиям конца XIX—XX века. Ленин всесторонне развил диалектический и исторический материализм Маркса и Энгельса, творчески разработал все основные вопросы марксистской философии и социологии.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, поставив перед советскими учеными задачу преодоления догматизма и начетничества и дальнейшего творческого развития марксистско-ленинской теории, открыл тем самым широкие перспективы перед нашей исторической наукой. В настоящее время имеются все возможности для нового подъема теоретического уровня советской исторической науки, в том числе науки о древнем обществе.

Та творческая атмосфера, которую создал в советской науке XX съезд, требует от историков особого внимания к вопросам борьбы за чистоту нашей идеологии — марксизма-ленинизма, требует умения дать отпор любым попыткам отхода от положений исторического материализма.

Ленин учил последовательной партийности в вопросах теории, требовал непримиримой борьбы с любыми влияниями буржуазной, идеалистической идеологии. Ленин указывал, что задача марксистов состоит в том, чтобы суметь усвоить и переработать достижения буржуазных ученых в области конкретных исследований и *«уметь отсеять их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»* (Соч., т. 14, стр. 328). Этот завет Ленина сохраняет всю свою силу и актуальность в наше время, когда наиболее реакционные концепции буржуазной социологии и философии оказывают весьма значительное влияние на труды многих зарубежных историков. Нередки случаи, когда материал всеобщей, в частности древней истории, прямо используется для борьбы с прогрессивными течениями общественной мысли, для атак на исторический материализм. Мы должны вести неуклонную

борьбу с реакционными концепциями, усилить боевой, наступательный дух нашей науки.

Значение подлинно марксистского исторического исследования не ограничивается тем, что оно делает более ясным тот или другой момент исторического прошлого: такое исследование в конечном счете способствует более глубокой разработке марксистско-ленинской теории. Поэтому глубокое, творческое исследование любой проблемы истории человеческого общества невозможно без всестороннего изучения и использования колоссального теоретического богатства марксизма-ленинизма.

Характеризуя историческое значение открытия Марксом материалистического понимания истории, Ленин писал: «Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий...» (Соч., т. 19, стр. 5). Создание этой стройной и цельной теории, впервые позволившей научно объяснить исторический процесс, сделалось возможным прежде всего благодаря тому, что Маркс распространил материалистическое мировоззрение на изучение истории. Отстаивая и развивая основные положения исторической теории марксизма, Ленин неоднократно обращался к знаменитой формулировке исторического материализма, данной в предисловии Маркса к «К критике политической экономии». В этой работе Маркса особенно рельефно подчеркнута неразрывная связь между марксистской социологией и материалистической философией марксизма, раскрыто понятие общественного бытия как совокупности материальных, т. е. производственных отношений людей. Эти производственные отношения определяются способом добывания средств к жизни, т. е. уровнем развития производительных сил. Развивая — в новых исторических условиях — марксистскую социологию, Ленин всегда опирался на эти основные положения исторического материализма, сформулированные Марксом.

Для того, чтобы оценить значение теоретической деятельности Ленина в деле развития исторического материализма, необходимо учесть исторические условия ленинского этапа развития марксизма. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин указывал, что «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха..., обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории,... в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический материализм*, чем диалектический *материализм*, больше настаивали на *историческом материализме*, чем на историческом *материализме*». В новый исторический период «буржуазная философия... преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма доверху» (Соч., т. 14, стр. 315—316). Русские махисты Богданов и другие пытались примирить формальное признание экономической и исторической теории Маркса с идеалистическим решением вопроса об отношении общественного сознания и общественного бытия. Поэтому Ленин обратил главное внимание на защиту материалистической основы марксистской социологии.

В ленинских работах вскрыт один из основных критериев, отличающих материалистическое понимание истории от идеалистического: признание независимости общественного бытия, законов развития общества от воли и сознания людей, признание общественного сознания отражением общественного бытия. Ленинский анализ отношений между общественным

бытием и общественным сознанием учит правильному подходу к изучению причин общественных явлений, предостерегает от любых попыток объяснять ход исторического развития «психологическими» факторами, деятельностью выдающихся личностей и т. д. и т. п.

С материалистическим пониманием отношений между общественным бытием и общественным сознанием неразрывно связано признание о б ъ е к т и в н о й з а к о н о м е р н о с т и исторического процесса. «Мир есть закономерное движение материи...», — писал Ленин (Соч., т. 14, стр. 156), относя это положение целиком и к развитию человеческого общества. Величайшее завоевание исторического материализма состоит именно в том, что в совокупности столкновений противоречивых идей и стремлений массы людей он обнаружил определенные закономерности общественного развития «... и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» (В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 41). Закономерность исторического процесса проявляется, как учил Ленин, в повторяемости определенных исторических явлений, например, в различных странах существуют одни и те же системы производственных отношений, имеющие определенные законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму.

Борясь с субъективистской социологией и агностицизмом, Ленин блестяще обосновал п о з н а в а е м о с т ь законов общественного развития. Высшую задачу исследования общественно-экономического развития Ленин видел в выяснении законов, объективной логики эволюции общественного бытия в ее общих и основных чертах.

Объективная логика, закономерность общественного развития, открытая марксизмом, выражается в том, что всемирно-исторический процесс представляет собой последовательное возникновение, развитие и смену определенных общественно-экономических формаций. Ленин указывал, что именно установленное Марксом понятие общественно-экономической формации положило конец представлению о случайности причин, порождающих изменения в обществе, дало возможность понять общественное развитие как естественно-исторический процесс.

Ленин указывал еще в 1894 г., что, поскольку применение исторического материализма к изучению капиталистического общества превратило его в научно проверенную теорию, возникает необходимость распространения этого метода на остальные общественные формации (Соч., т. 1, стр. 128). Важность изучения с позиций исторического материализма докапиталистических общественно-экономических формаций — рабовладельческой и феодальной — Ленин подчеркивал неоднократно, считая такое изучение необходимым для выработки научного понимания исторического процесса. Так, Ленин считал недостатком большинства руководств по политической экономии, «... что они ограничиваются обыкновенно одной системой общественного хозяйства (именно капитализмом)», и указывал, что излагать политическую экономию нужно «... в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма» (Соч., т. 4, стр. 33—34).

Специфику каждой общественно-экономической формации, ее отличия от других формаций определяет характерная для нее совокупность производственных отношений. На этом и основано положение марксизма-ленинизма о рабовладельческой формации как закономерном этапе общественного развития. «Развитие всех человеческих обществ, — говорил Ленин, — в течение тысячелетий во всех без изъятия странах по-

казывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы» (Соч., т. 29, стр. 438).

Таким образом, Ленин подчеркивал, что переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому обществу, существование в определенный исторический период рабовладельческой общественно-экономической формации является з а к о н о м общественного развития. В этой ленинской формулировке с наибольшей четкостью выражено то теоретическое положение марксизма, которое составляет основное и необходимое условие правильного научного подхода к изучению древней истории. Марксистско-ленинское положение о рабовладельческой формации впоследствии было развито И. В. Сталиным в его работе «О диалектическом и историческом материализме», в которой дана характеристика основных черт и особенностей рабовладельческого способа производства.

Как следует применять положение о рабовладельческой формации к изучению различных древних обществ? В каких чертах и особенностях этих обществ проявлялись закономерности рабовладельческой формации? Нечеткая или неправильная постановка и понимание этих вопросов нередко ведут к серьезным ошибкам в наших исторических исследованиях: иногда к догматизму и произвольному подтягиванию исторических фактов под определенные схемы, иногда к неверным, теоретически путанным определениям характера тех или других обществ. Тем большую важность и актуальность представляют эти вопросы для марксистской исторической науки о древнем обществе.

Ленинские работы учат правильному, диалектическому подходу к вопросу о соотношении между общими историческими законами и их конкретными проявлениями, между общими признаками, характеризующими определенную общественно-экономическую формацию, и историческими особенностями развития отдельных стран.

Работая над выяснением тех или других закономерностей общественного развития, мы всегда должны помнить то глубоко диалектическое определение закона, которое дал Ленин в своем конспекте книги Гегеля «Наука логики»: «Закон берет спокойное — и поэтому закон, всякий закон, узок, неполон, приближителен»¹. Ленин подчеркивал, что «закон есть отражение существенного в движении универсума», что «явление богаче закона»². Отсюда следует, что одно лишь установление общественных законов без тщательного изучения их многообразных конкретных проявлений, всей совокупности исторических фактов не может дать объективного, научно точного представления о ходе исторического развития. Абстрактное теоретизирование, не опирающееся на изучение конкретной истории, может привести лишь к мертвому схематизму. Ленин требовал конкретного, диалектического подхода к изучению проявлений исторических законов. Разоблачая подтасовки Каут-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 126.

² Там же, стр. 127.

ского в вопросе о революции, он указывал, что нет таких исторических законов, касающихся революции, которые не знали бы исключения. «Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что Маркс однажды называл „идеальным“ в смысле среднего, нормального, типичного капитализма» (В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 218). Закономерности рабовладельческого строя не проявлялись в истории многих народов в таких «идеальных», «классических» формах, как в древних обществах Средиземноморья, хотя не было ни одного народа, который не знал бы на определенном этапе своего развития «учреждений рабства».

Тенденция к примитивному, догматическому пониманию закономерностей рабовладельческой формации особенно ярко проявлялась (а в известной степени проявляется и в настоящее время) в неоправданном перенесении особенностей так называемого «классического» античного рабства на все древние общества. Например, преобладание труда рабов в сельском хозяйстве, характерное для некоторых периодов истории Рима, нередко приписывают также — в противоречии с историческими фактами — многим древневосточным и эллинистическим обществам. Это приводит к необоснованным попыткам рассматривать различные категории непосредственных производителей — сельских общинников, пользовавшихся землей и обладавших своими орудиями производства, как рабов. Теоретическая ошибочность подобного рода истолкования правильного тезиса о рабовладельческом характере древних обществ состоит прежде всего в том, что оно противоречит одному из основных требований марксистско-ленинской диалектики: требованию конкретности исторического подхода. «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса, — учил Ленин, — является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране..., учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» (Соч., т. 20, стр. 373). Из этого вытекает, что, изучая социально-экономический строй различных древних обществ, мы должны выяснить характерный для них исторический уровень развития рабовладельческого способа производства, определявший, в частности, ту или другую степень применения труда рабов, а также учитывать особые условия, отличающие данное общество от других, современных ему.

Непонимание многообразия конкретных проявлений общих закономерностей рабовладельческой формации нередко приводит, с другой стороны, к отрицанию рабовладельческого характера тех или других древних обществ на том основании, что их строй значительно отличался от строя античной Греции или Рима. Известно, например, какие трудности вызывает до настоящего времени вопрос о периоде рабовладельческого строя в Китае. Здесь, несомненно, сказываются не только пробелы в изучении конкретного материала, но и недостаточно четкое понимание о б щ и х закономерностей рабовладельческой формации, «...тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 150). Выяснение законов зарождения, функционирования и развития рабовладельческой формации, ее замены феодальным строем составляет насущную задачу историков-марксистов, изучающих древние общества. Учитывая при исследовании отдельных обществ все многообразие конкретных особенностей их развития, мы должны тщательно выявлять то о б щ е е, что объединяло строй различных древних обществ и что характеризует закономерности рабовладельческой формации. Многообразие исторической действительности не должно заслонять общих законов

социально-экономического развития. Ленин указывал, что только обобщение порядков разных стран в одно основное понятие общественной формации дало возможность перейти «...от описания... общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им» (Соч., т. 1, стр. 123). Из этого следует, что конкретное исследование определенных исторических явлений в тех или других странах, в тот или другой период должно быть неразрывно связано с изучением общих законов данной формации.

Тем общим, что, несомненно, объединяло самые различные древние общества, является рабовладельческая эксплуатация, наличие классов рабов и рабовладельцев. Как бы ни были широко распространены в отдельных странах — особенно на Востоке — другие формы эксплуатации непосредственных производителей, в частности, эксплуатация крестьян, как бы ни были относительно многочисленны слои населения, не связанные непосредственно с рабовладельческими производственными отношениями, указанные выше черты характерны для всех древних эксплуататорских обществ. Господствующий класс этих обществ являлся таковым прежде всего потому, что он был классом рабовладельцев. Именно это обстоятельство давало ему экономическую силу, необходимую для того, чтобы господствовать над массой свободных. В любом рабовладельческом обществе были другие классы, кроме рабов и рабовладельцев, игравшие нередко значительную роль в производстве, но своеобразие древних государств, их отличие от обществ иных исторических эпох определяет именно наличие рабовладельческих производственных отношений. Исследования советских ученых в различных областях древней истории показали, насколько велико было влияние рабовладельческих производственных отношений на всю жизнь и развитие древних обществ: от древневосточных монархий до Римской империи.

Однако работа, проведенная в этом направлении далеко недостаточна. Предстоит еще сделать очень много для выяснения конкретных проявлений законов рабовладельческой формации в социально-экономической истории различных стран, форм взаимодействия между рабовладельческими производственными отношениями и другими видами эксплуатации, характерными для древних обществ. Всестороннее изучение социально-экономического строя каждого из этих обществ во всем его своеобразие и сопоставление его с фактами, известными из истории других сходных обществ, несомненно, позволит значительно углубить и расширить наше понимание закономерностей рабовладельческой формации.

Большое теоретическое значение для изучения социально-экономического строя рабовладельческого общества имеет ленинское учение о с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к и х у к л а д а х. Как известно, анализируя экономику России первых лет советской власти, Ленин выделил в ней пять общественно-экономических укладов: 1) патриархальное, натуральное крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное хозяйство; 3) капиталистическое хозяйство; 4) государственный капитализм; 5) социализм (Соч., т. 27, стр. 303; т. 32, стр. 272—273). Здесь мы видим пример того, как надо подходить к изучению социально-экономического строя, вскрывая в нем различные типы производственных отношений, выделяя их в особые уклады. Несомненна важность такого подхода к изучению рабовладельческих обществ, которые, как правило, представляли собой совокупность различных типов социально-экономических отношений.

Например, даже для весьма развитого рабовладельческого общества Римской империи было характерным сочетание рабовладельческого хозяйства в форме вилл и латифундий с самостоятельным мелкокрестьянским

хозяйством, часто связанным с общиной. В ремесле этому соответствовало сочетание рабовладельческих мастерских с производством свободных мелких ремесленников. Особой хозяйственной формой являлась эксплуатация мелких сельских арендаторов крупными землевладельцами, принимавшая различный характер и по-разному эволюционировавшая в различных провинциях. И в рабовладельческом укладе, и в мелком самостоятельном производстве можно вместе с тем выделить хозяйства, имевшие почти исключительно натуральный характер, и хозяйства, в значительной мере ориентировавшиеся на рынок. Ленинский анализ многоукладной экономики России показывает необходимость выяснения для каждого конкретного исторического периода, какой уклад преобладает и между какими укладами идет борьба (см. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 303), т. е. выяснения тенденций общественного развития. Изучение взаимоотношений между различными хозяйственными формами, характерными для древних обществ, несомненно, позволит правильное определить равнодействующую социально-экономического развития и лучше понять, в чем заключался рабовладельческий характер общества этого времени. Например, исследование мелкого крестьянского хозяйства в Риме в эпоху республики и в первые века империи показывает, что его эволюция в условиях господства рабовладельческого уклада неизбежно приводила к развитию и распространению рабовладельческих производственных отношений.

Следует отметить, что вопрос о мелком крестьянском хозяйстве, его положении и роли в обществе вообще имеет очень большое значение для марксистского изучения древней истории. Об этом свидетельствуют в частности нередкие попытки, исходя из большого удельного веса такого хозяйства в древневосточных обществах, делать вывод об особом, отличном от рабовладельческого, строе этих обществ, либо неоправданно сближать его с феодализмом. При этом не учитывается, что наличие мелкого земледельческого производства и его эксплуатация господствующим классом не являются специфической принадлежностью какой-либо одной социально-экономической формации и не могут служить поэтому исходным пунктом при определении характера данного общества.

Ленин категорически возражал против характерного для буржуазных экономистов определения мелкого земледелия как «трудового» и отмечал, что слово «трудовой» не имеет никакого политико-экономического смысла, поскольку мелкое земледелие мы встречаем в самых различных общественно-экономических формациях: «и при рабстве, и при крепостничестве, и при капитализме» (Соч., т. 22, стр. 18). Отсюда следует, что экономическая сущность и тенденция развития мелкокрестьянского хозяйства определяется тем способом производства, в условиях которого оно существует; поэтому роль и характер этой формы хозяйства в древности можно определить, только учитывая влияние, которое оказывало на него господство рабовладельческих производственных отношений.

Вопрос об укладах очень важен и при изучении перехода от рабовладельческого строя к феодальному. Этот переход, очевидно, начинается с вызревания феодального уклада в недрах рабовладельческого общества. Изучение развития феодальных отношений именно в форме уклада — при временном сохранении господства рабовладельческих производственных отношений — дает возможность точнее определить характер различных древних обществ в период кризиса рабовладельческого строя.

В трудах Ленина получила дальнейшее развитие марксистская теория классов и классовой борьбы. Научное значение этой теории Ленин видел прежде всего в том, что она позволяет разобраться в хаосе бесчисленных социальных, политических и идеологических тенденций членов общества, определяющих в своей совокупности ход исторического развития; вскры-

вая корни этих тенденций в интересах различных классов, марксизм показал тем самым, что они не случайны, не произвольны, а подчиняются определенным объективным закономерностям, вытекающим из характера производственных отношений в данном обществе.

«Политика, — говорил Ленин, — это борьба между классами» (Соч., т. 31, стр. 346). В этой краткой ленинской формулировке вскрыта основа марксистского подхода к изучению политической истории, политических учреждений и идей любого классового общества.

Было бы грубой ошибкой механически переносить ленинские положения о классах и классовой борьбе, разработанные им применительно к конкретным историческим условиям периода буржуазно-демократических и пролетарских революций, на совершенно другую историческую эпоху. Однако изучение этой стороны теоретического наследства Ленина является насущно необходимым для историков древности, поскольку оно помогает выработать правильный методологический подход к решению многих сложных вопросов социального развития древнего мира, к выявлению роли классовой борьбы в рабовладельческом обществе. Например, при решении сложной проблемы классовой структуры различных древних обществ ценным научным критерием является знаменитое ленинское определение классов: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Соч., т. 29, стр. 388).

Несомненна важность этого определения при решении вопроса о времени возникновения классового общества в том или другом районе, о характере того или другого общества в период разложения родо-племенных отношений.

Ленинское определение классов показывает, насколько неправильным является сведение классовой структуры древних обществ только к наличию классов рабов и рабовладельцев. Во всех древних обществах существовали классы, отличавшиеся по своему месту в системе общественного производства и по способам получения своей доли общественного богатства как от рабов, так и от рабовладельцев. Так, даже в наиболее развитых античных обществах наряду с классами рабов и рабовладельцев и деклассированным люмпен-пролетариатом, имелся класс свободных и не эксплуатировавших чужого труда непосредственных производителей. Нет никаких оснований объединять все свободное население античных обществ в один класс, даже если речь идет о коллективе гражданской общины — полиса. Такое объединение не основано на социально-экономических («место в исторически определенной системе общественного хозяйства») признаках и может только исказить сложную картину классовых противоречий в античных обществах.

Ленин считал одной из важнейших задач марксистского исторического исследования изучение положения всех классов, всех социальных групп данного общества, отношений между этими классами и группами, всесторонний учет тенденций развития каждого класса. Рассматривая исторические произведения Маркса как «блестящие и глубокие образцы материалистической историографии», Ленин считал особенно поучительным в этих произведениях анализ «положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса», анализ сложной сети «об-

ественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему», необходимый «для учета всей равнодействующей исторического развития» (В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 42—43). Из этого вытекает, насколько важно учитывать конкретные особенности всех социальных групп и прослоек данного общества во всем их многообразии.

Ленин указал на ту особенность классовой структуры рабовладельческого и феодального обществ, что в них «различие классов фиксировалось в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса», для этих обществ были характерными «классы-сословия» (Соч., т. 6, стр. 97).

Положение Маркса о борьбе классов, как «двигателе событий», целиком подтверждается, как нередко подчеркивал Ленин, всей историей древнего общества. Мы должны глубже изучить то влияние, которое оказывали различные формы классовой борьбы рабов и эксплуатируемых свободных на развитие древних обществ. Например, такие крупные события древней истории, как «политические революции» времени борьбы с родовой аристократией или переход от республики к империи в Риме, невозможно понять, не учитывая роли в них выступлений эксплуатируемых слоев населения. Чрезвычайно ценен для историков древности ленинский анализ исторических особенностей классовой борьбы в рабовладельческом обществе. «Рабы, — говорил Ленин, — ... восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» (Соч., т. 29, стр. 449).

В этом ленинском положении вскрыты такие черты классовых выступлений рабов, как их стихийность, неосознанность целей борьбы, неспособность последовательно отстаивать свои самостоятельные классовые интересы, что приводило к подчинению движений рабов интересам тех или других групп господствующего класса.

Для решения сложной проблемы перехода от рабовладельческого общества к феодальному громадное значение имеет марксистская теория социальной революции, всесторонне развитая Лениным. Характеризуя социальную революцию как скачкообразный переход от старого общества к новому, Ленин указывал, что революционный скачок — это «...перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше...» (Соч., т. 27, стр. 243). Ленин отмечал как характерную черту «...эпохи больших скачков» «...обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового...» (там же).

Исторический материал показывает, что переход от рабовладельческого общества к феодальному нельзя представлять как некий единовременный акт, заменивший старые производственные отношения новыми. Социальная революция при переходе от рабовладения к феодализму была длительным процессом накопления зародышей феодальных производственных отношений, их борьбы с рабовладельческой системой хозяйства, долго еще сохранявшей значительные позиции в социально-экономическом строе.

Нельзя в то же время представлять переход от рабовладельческой формации к феодальной в виде простого постепенного прерастания старого общества в новое. Диалектический метод требует выявления скачкообразного, революционного характера этого перехода, выявления тех «перерывов постепенности», без которых немыслимо общественное развитие. Понятие социальной революции включает в себя борьбу между раз-

личными укладами общественного хозяйства, «большие скачки», серьезно изменяющие лицо общества, расшатывающие старый общественно-экономический строй. Такими «большими скачками» в истории Западной Европы, несомненно, было падение Западной Римской империи, последовательные волны варварских завоеваний. Необходимо выявить революционный характер перехода от рабовладения к феодализму и в других древних обществах.

Особое значение имеет вопрос о роли народных масс в социальной революции, разрушившей рабовладельческое общество. Советскими учеными проведена немалая работа по изучению народных восстаний в период кризиса Римской империи, в результате этой работы стало ясным, что движения эксплуатируемых масс значительно ослабляли империю перед лицом варварского завоевания, в какой-то мере приближали ее гибель. Однако правильное понимание своеобразия событий, приведших к гибели рабовладельческого строя, долгое время затрудняла не подкрепленная фактами характеристика этих движений как «революции рабов». Восстания эксплуатируемых слоев населения, происходившие в период Поздней Римской империи, носили ярко выраженный стихийный характер, в их ходе даже не ставился основной для всякой революции вопрос о смене государственной власти. К тому же рабы не были решающей силой этих восстаний. Рабовладельческий строй не был сокрушен единовременной победоносной народной революцией — такая революция вообще была невозможна на том этапе исторического развития. В процессе революционного перехода от рабовладения к феодализму значительную роль сыграла не только классовая борьба рабов, но и движения колоннов и других слоев эксплуатируемого населения. Решающее влияние на этот процесс оказали многочисленные «варварские» народы, расселение которых на территории Римской империи привело в конечном счете к полному уничтожению рабовладельческой системы хозяйства. Только изучение взаимодействия всех этих факторов может создать правильное представление о роли народных масс в гибели рабовладельческого строя.

В борьбе с различными оппортунистическими теориями Ленин блестяще отстоял и развил учение основоположников марксизма о г о с у д а р с т в е . В своей работе «Государство и революция» он дал подробный анализ содержания книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и с чрезвычайной глубиной и четкостью сформулировал основные теоретические положения марксизма по вопросу о происхождении и сущности государства. «Государство,— указывал Ленин,— есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены... По Марксу, государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим...» (Соч., т. 25, стр. 358—359). Ленин подчеркивал, что рабовладельческое государство возникло тогда, когда упрочилось существование класса рабовладельцев, «...и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство» (Соч., т. 29, стр. 441). У нас нередко обращают основное внимание на первую часть этого глубокого положения марксизма-ленинизма и недостаточно учитывают его вторую часть. Класс рабовладельцев мог стать господствующим в полном смысле слова, только захватив политическую власть и сметя все преграды, которые ставили развитию рабовладельческих отношений пережитки первобытно-общинного строя. Глубокое изучение этой стороны дела должно пролить свет на многие неясные вопросы истории древневосточных обществ, где класс рабовладельцев, лишь постепенно захватывая все большую политическую власть, использовал ее в интересах развития ра-

бовладельческих производственных отношений, в то время как пережитки первобытно-общинного уклада тормозили это развитие.

Развивая понятие государства как силы, «происшедшей из общества, но ставящей себя над ним и все более и более отчуждающей себя от него», Ленин указывал, что эта сила состоит «...в особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее» (Соч., т. 25, стр. 361). Обосновывая исторический характер государства, Ленин блестяще опровергал взгляды буржуазных теоретиков типа П. Струве, считавших государство «организацией порядка» и видевших его отличительный признак в принудительной власти. Развивая положения Энгельса по данному вопросу, Ленин подчеркивал, что признаком государства является «...наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*. Общину, в которой „организацией порядка“ заведывали бы поочередно *все* члены ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством» (Соч., т. 1, стр. 399).

Ленинские положения по вопросам происхождения и сущности государства являются исключительно ценными методологическими указаниями при исследовании конкретных вопросов возникновения государства, при изучении древнейших государственных образований. В частности, приведенное замечание Ленина относительно общины показывает, что в тех случаях, когда «организация порядка» перестает быть делом всех членов общины и становится достоянием особой группы лиц, можно говорить о начале возникновения государства.

Ленинские работы учат пониманию государства как диктатуры эксплуататорского класса над классом эксплуатируемым. За многочисленными формами государства, которые знала история, Ленин учил вскрывать их классовую сущность. Специально останавливаясь на античных государствах, Ленин указывал, что независимо от их формы — были то государства монархические, аристократические или демократические — все они являлись по своей сущности органом диктатуры класса рабовладельцев. «...Восстания или даже сильные брожения рабов в древности, — говорил Ленин, — сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуры рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию среди рабовладельцев, для них? Всем известно, что нет» (Соч., т. 28, стр. 215).

Развивая марксистское учение об общественно-экономической формации, об определяющей роли экономического базиса по отношению к политико-юридической и идеологической надстройке, Ленин категорически возражал против опoшления марксизма, выражавшегося в подмене его «экономическим материализмом». Смысл вульгаризаторских искажений исторического материализма, к которым прибегали как враги, так и мнимые «сторонники» марксизма, сводился к отрицанию активной роли политики и идеологии по отношению к экономическому развитию. «Анализ экономической стороны, — указывал Ленин, — должен быть, разумеется, дополнен анализом социальных, юридико-политических и идейных надстроек» (Соч., т. 1, стр. 424). Высмеивая взгляды народнического «социолога» Михайловского, видевшего в развитии западноевропейского капитализма т о л ь к о стихийный экономический процесс, Ленин писал, что капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация не удовлетворялись «...действием одних экономических законов», для их осуществления требовалось проведение определенных политических и финансовых мероприятий (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 378).

Эти указания Ленина свидетельствуют о необходимости глубокого изучения роли политической и юридической надстройки рабовладельческого общества в социально-экономическом развитии. Например, в усло-

виях поздней Римской республики и Ранней империи более высокое, чем в предшествующий период, развитие рабовладельческого способа производства обеспечивалось определенными государственными мероприятиями: выводом колоний, основанием новых городов, что вело к освоению под сельскохозяйственные культуры новых территорий, распространению античной формы собственности и связанного с ней рабовладельческого хозяйства. С другой стороны, невозможно выяснить степень и характер процессов феодализации в поздних рабовладельческих обществах как Запада, так и Востока, не изучив тормозящего влияния, которое оказывала на эти процессы рабовладельческая политико-правовая надстройка.

Столь же большое значение придавал Ленин анализу роли идеологической надстройки. Он неуклонно подчеркивал и отстаивал положение марксизма о классовом характере идеологических и культурных явлений. Развивая учение Маркса об идеологической надстройке в классовом обществе, он писал: «...в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии» (Соч., т. 5, стр. 356). Громадную научную ценность имеет ленинское положение о двух культурах в буржуазном обществе. «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная... притом не в виде только „элементов“, а в виде *господствующей* культуры» (В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8).

Положение Ленина о двух культурах, конечно, не может быть механически перенесено на рабовладельческое общество, в котором не было наций. Однако это положение вскрывает основу марксистского метода исследования культуры любого классового общества. Бесспорно, и в древних обществах условия жизни трудящейся и эксплуатируемой массы порождали демократическую идеологию. Элементы демократической культуры были развиты в ту эпоху неизмеримо слабее, чем при капитализме, но все же они оказывали свое влияние на духовную жизнь общества. Задача историка заключается в выявлении этих элементов и в изучении их борьбы с господствующей рабовладельческой культурой.

Подчеркивая классовый характер идеологических и культурных явлений, Ленин всегда боролся с нигилистическим отношением к культурным достижениям прошлого. Осуждая попытки пролеткультовцев выдумать «свою особую культуру» как «...теоретически неверные и практически вредные...», он указывал, что «марксизм... усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» (Соч., т. 31, стр. 292).

Развивая положение о непреходящей ценности выдающихся достижений культуры и общественной мысли прошлого, Ленин предостерегал против сведения их значения т о л ь к о к выражению интересов господствующих классов. Блестящим примером марксистского исследования истории общественной мысли является ленинский анализ этапов освободительного движения в России, в частности исторической роли Герцена. Ленин писал, что Герцен принадлежал к поколению дворянских революционеров, «...принадлежал к помещичьей барской среде» (Соч., т. 18, стр. 9, 12). Классовая ограниченность Герцена, как и дворянских революционеров первой половины XIX в., сказалась в том, что «он не видел революционного народа и не мог верить в него» (там же, стр. 12). Но в то же время Герцен выражал революционные стремления крестьянства в его борьбе с крепостничеством, он сыграл, по выражению

Ленина, «великую роль в подготовке русской революции» (там же, стр. 9). Ленинский анализ деятельности Герцена показывает, как неправильно определять значение творчества передовых представителей культуры и общественной мысли, исходя только из их классовой принадлежности. Идейное содержание и историческое значение их творчества значительно шире интересов той социальной группы, к которой они непосредственно принадлежали, хотя она и не могла не наложить определенный отпечаток на их идеологию. А это значит, что нельзя искать корней великих культурных явлений только в интересах узких социальных групп — ошибка, которая до настоящего времени имеет некоторое распространение в марксистской литературе о древнем обществе. Сложность, диалектичность процесса развития человеческой мысли и культуры такова, что в творчестве одного и того же крупного деятеля культуры демократические, прогрессивные элементы могут порой сочетаться с элементами идеологии господствующего класса.

Чрезвычайно велико и актуально значение ленинских высказываний по вопросам истории философии. Ленин отстоял и развил марксистское положение о партийности философии, целиком относя это положение и к истории античной философии. Он указывал, что «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела... являются материализм и идеализм» (Соч., т. 14, стр. 343). Ленин показал неразрывную связь между идеалистической философией и религией, охарактеризовав идеализм как «утонченную, рафинированную форму фидеизма» (там же). «Философские тетради» Ленина показывают, какое большое значение придавал он изучению античной философии, уделяя главное внимание борьбе идеализма и материализма в древности, материалистическим идеям древних мыслителей. Ленин блестяще защищал материалистическое наследие древнегреческой философии от попыток буржуазных историков философии подделать его под идеализм. Многочисленные ленинские характеристики творчества отдельных древних мыслителей настолько содержательны и глубоки, что вопросы освещения античной философии в трудах Ленина нуждаются в специальном исследовании.

Подчеркивая партийность философии, Ленин в то же время боролся с вульгаризаторским извращением этого положения марксизма¹. Исторический, научный подход к явлениям идеологии, к философским системам заключается, как учил Ленин, в том, чтобы вскрывать не только их классовые, но и гносеологические корни. Всякое философское учение прошлого, будучи порождением своей эпохи, отражает определенный этап диалектического процесса человеческого познания.

«Идеализм есть поповщина, — писал Ленин. — Верно. Но идеализм философский есть („с е р н е е“ и „к р о м е т о г о“) дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека»².

Вскрывая соотношение между гносеологическими и классовыми корнями идеализма, Ленин отмечал, что любой отрывок диалектического

¹ Об этом свидетельствуют, например, ленинские замечания на книгу Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии». Шулятиков считал, что философия есть выражение ближайших выгод и стремлений определенного класса. В соответствии с этим положением он объяснял, например, появление материализма в Греции тем, что углубилась пропасть между социальными «верхами» и «низами». Ленин называл книгу Шулятикова примером безмерного опошления материализма, каррикатурой на марксизм в истории, указывая, что конкретный анализ «периодов, формаций, идеологий» подменен в ней голой фразой (Заметки В. И. Ленина на книгу Шулятикова, «Пролетарская революция», 1937, № 8, стр. 137—153).

² В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 330.

процесса познания, идущего по кривой линии, бесконечно приближающейся к спирали, — может быть односторонне развит, раздут, превращен в самостоятельную прямую линию и закреплён классовыми интересами господствующих классов¹. Этот блестящий, поразительно глубокий ленинский анализ учит тому, как при изучении истории философии нужно сочетать исследование гносеологического значения того или другого учения, его места в диалектическом процессе познания с выяснением его классового содержания.

Рассмотрение даже небольшой части ленинских положений по некоторым основным вопросам исторического материализма показывает, насколько необходимо тщательное изучение трудов Ленина для марксистской разработки любой сколько-нибудь существенной проблемы истории человеческого общества. Отстаивая марксистское учение об обществе в борьбе с различными течениями буржуазной и ревизионистской идеологии, Ленин провел чрезвычайно глубокий и точный анализ важнейших категорий и черт исторического материализма, материалистического понимания исторического процесса. Громадную ценность для марксистской исторической науки представляют гениальные образцы диалектического подхода к историческим явлениям, которые мы во множестве находим в ленинских работах. Использование теоретического наследства Ленина для марксистской разработки древней истории нельзя сводить лишь к учету тех ленинских высказываний, которые непосредственно относятся к античному обществу. Наша задача заключается прежде всего в том, чтобы овладеть ленинской методологией исторического исследования, полнее и глубже использовать ленинские положения по основным теоретическим вопросам марксистской исторической науки. Произведения Ленина показывают, как надо изучать историю, и являются в этом смысле — вместе с трудами Маркса и Энгельса — основным руководством по марксистской методологии исторического исследования.

Всестороннее изучение и использование богатейшего наследства Ленина составляет необходимое условие нового подъема теоретического уровня советской исторической науки.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 330.

